

Лягушки

Из собрания сочинений

Альтист Данилов

Аптекарь

Шеврикука, или Любовь к привидению

Камергерский переулок

Солёный арбуз

После дождичка в четверг

Происшествие в Никольском

Бубновый валет

Лягушки

Земля имеет форму чемодана

Владимир Орлов
Из собрания сочинений

ЛЯГУШКИ

ФТМ

УДК 82-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
О-66

Орлов, В.

О-66 Лягушки / В. Орлов. – М. : Т8 RUGRAM / Агентство ФТМ, 2019. – 864 с.

ISBN 978-5-521-74653-8

Роман «Лягушки» классика современной русской литературы Владимира Орлова – автора «Альтиста Данилова» и «Аптекаря» – это роман о фантасмагориях современной жизни. Когда мифологические сюжеты и знаки становятся обязательной частью нашей реальности, отражая истинную картину жизни нашего времени.

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения правообладателя.

УДК 82-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
BIC FA
BISAC FIC009000

ISBN 978-5-521-74653-8

© Т8 RUGRAM, 2019
© ООО «Агентство ФТМ, Лтд.», 2019
© Текст. В. Орлов, наследники, 2019

1

У Ковригина кончилось пиво. Надо было идти в палатку.

Палатка торговала вблизи автобусных остановок на обочине асфальтового пролета, ведущего со станции Столбовая мимо сумасшедших домов в селе Троицком, известных в России как «Белые столбы», к поселку Добрыниха. Прежде Ковригин легким шагом добирался до палатки минут за восемь-десять, нынче ноги побаливали, и на дорогу за колбасами, свиной шейкой, макаронами, рисом, сахаром-песком, кильками в томате и пивом уходило у него все пятнадцать минут. И это — туда, порожняком. Увы, увывы...

Сегодня же странное обстоятельство вынудило его провести в путешествии к палатке полчаса с лишним.

Впрочем, странным это обстоятельство могло показаться лишь для Ковригина и для людей, сходных с ним натурой, несведущим и неразумным. Для людей же, знакомых с естественными науками, с портретом Дарвина на школьной стене, с сачками и гербариями, в юные годы посчитавших себя натуралистами, ныне — «зелеными», никакой странности не случилось.

Шел дождь, оставлявший пузыри в лужах. Ковригин натянул резиновые сапоги. Почти все лето они стояли без дела. Солнце позволяло Ковригину шляться в кроссовках, сандалиях, а то и босиком. Но неделю назад небесные влаги стали изливаться из серо-синеватых облаков, не давая ни себе, ни сухопутным существам продыху.

Хотя физиологические потребности звали Ковригина в незамедлительный поход, будто сегодня же по исторической нужде требовалось взять Азов, из дома выйти он никак не мог. Что-то останавливало и беспокоило его. Не ходил бы ты, Ванек, во солдаты... Зудело в нем это отчаянным стрекотом в

траве сентябрьского кузнеца. «Что надеть-то?.. — не спеша соображал Ковригин. Хотя знал, что надеть. Зонтов он в доме не имел. Его коронным номером было терять зонты и перчатки. Перчатки обязательно с одной руки. А потому в московской квартире среди барахла у него валялось с десятков кожаных изделий с леворастопыренными пальцами. Зонты же он оставлял где-нибудь дней через пять после их приобретения. То есть в персонажи «мокрых» ксилографий Хиросиге с видами Киото и Эдо он не годился. И сейчас он знал, что наденет куртку с капюшоном. И вот будто бы в чем-то сомневался. Придурь некая будто бы наехала на него. «А работает ли палатка? Сентябрь ведь, школьники уехали... Вдруг торгаши засачковали?..»

Именно придурь. При нынешних-то коммерческих интересах хозяев вряд ли бы они закрыли палатку. Да хоть бы и закрыли. Увидев это, Ковригин вскочил бы в первый подъехавший автобус и отправился бы за пивом на станцию Столбовую или в Троицкое. Там процветали теперь свои «Алые паруса» и свои «Перекрестки». Что же он оттягивал поход? Что кочевряжился? Из-за предчувствия. Ну если и не из-за предчувствия, то из-за малопонятных беспокойств и ощущений тоски.

И все же он запер дом и калитку. И пошел.

Треть дороги проходила по въездной улице огородно-садоводческого товарищества. Самосвалами на нее были сброшены кузова щебенки, пока необглаженной погодой и ногами и не вмятой в землю. В сухие дни тут бранились пенсионеры, награжденные подагрой, а собаки, пусть и самые скандальные, старались сюда не забегать, берегли лапы. В мокрый же день передвигаться к воротам поселка Ковригину было комфортно, он не спешил, продавщица Люся, если,

конечно, она приехала из Чехова со своей виллы, закрыла бы палатку лишь через полтора часа. Да и Люсе можно было бы достучаться и в закрытую дверь. Обаянием и наглостью балаболов из мастеровых и водителей, способных продавщицу и облапить, Ковригин не обладал, но и рохлей не был, умел вызывать симпатии у obsługi.

Все эти пустяковые подробности путешествия Ковригина я привожу здесь по той причине, что несколькими часами позже Ковригин примется вспоминать все пройденные им сантиметры и эту щебенку возле поселковых ворот и водокачки в рассуждении, а не тогда ли все и началось? Нет, не тогда.

За металлическими воротами поселка, на створках которых раскачивались ребятишки, не доросшие до угнетающих семейные бюджеты занятий в школах и лицеях и вынужденные мокнуть в сентябре в компаниях бабушек и их соседок, шла опять же заваленная щебенкой, здесь — вмятой колесами во вспаханное поле, «трасса» с выездом на шоссе далеко к востоку от палатки. И тут, как посчитал позже Ковригин, еще не началось.

Соседом поселка Ковригина был огородно-садоводческий же поселок Госплана. Где теперь этот Госплан? «А вот мы и есть Госплан! — с обидой на исторические оплошности утверждали основатели и старожилы поселка. С обидой, но и с торжеством утверждали. А через шоссе, по ту сторону палатки, растило свои кабачки и огурцы товарищество Пролетарского района. Района такого в Москве давно не было. А здесь Пролетарский район был.

По тропке, в километр длиной, огибающей заборы Госплана, и предстояло идти Ковригину. Невдалеке, за березовыми грибными рощами у Любучан с его пластмассами, года четыре назад был поставлен беленько-синенький завод «Да-

нона», и всем здешним полям определили растить корма для даноново-рогатой скотины, для их высочества вымени. Что только не зеленело перед заборами Госплана и Пролетарского района: и кукуруза, копившая в себе молочную спелость, и овсы, и рожь, а в ней — естественно, синели и васильки, внимали небесному пению переживших нитраты жаворонков. Недавно травы со всякими виками и тимофеевками скосили и содрали с земли кожу «под пары». Местные трактористы недолюбливали бездельников дачников и каждый раз перепахивали тропку к автобусам и харчам, оставляя вместо нее особо крупные, вздыбленные ломти глины. И снова садоводы со смиренными ругательствами протаптывали привычную дорогу на Большую землю. Ныне тропа, шириной в двадцать-тридцать сантиметров, была вытоптана еще плохо, и ход путника по ней затрудняли то колдобины, то так и не размятые куски глины без дерна. Ковригину же казалось, что тропинка полита растопленным мылом, причем не самым ароматным.

Впрочем, Ковригину скользить по дороге в палатку приходилось не впервой (были случаи, он падал, возвращался на дачу с измазанными штанами, но с полными сумками). И теперь он мог позволить себе не смотреть под ноги.

А смотрел он в дали. В детстве каждое лето он подолгу гостил у родственников в Яхrome, там же и на станции «Турист» пионерствовал в лагерях. Позже в разъездах по стране и в землях чужих подтвердилось его пристрастие к просторам и приволью. Даже в Яхrome, от Андреевской церкви Кампорези на «горе» (высоте, говорилось во фронтовых мемуарах), были видны другие высоты Клино-Дмитровской гряды, долина (бывшая — реки Яхромы) нынче — канала, с белыми пароходами вдали и рядом, внизу, у шлюза, и город Дмитров, ми-

ривший князей восемьсот лет назад. При этих видах в душе отрока Ковригина возникали восторги, упоение земными далями и тайнами, упоение и собственным пребыванием в диве дивном и в мироздании вообще. Взрослый Ковригин называл эти состояния пафосными, радостными повизгиваниями щенка, марши при этих повизгиваниях следовало бы исполнять. Скажем, марш Фанагорийского полка. Просто созрел в отроке мужчина, отсюда и все его томления, да еще и при виде приволий. Впрочем, мысли взрослого Ковригина сейчас же и слоились... Вот когда он восьмиклассником в сумерках стоял один у дома тетки на вершине Красной горы, напротив горы Андреевской, а на той стороне канала на стадионной танцплощадке звучала музыка, помимо роков и твистов все эти «Мне бесконечно жаль...», «Я возвращаю вам портрет...», вот тогда и случались с ним эротические томления (или смущения?), в них были и тоска, и сладость, и предчувствие любви и ее мерзостей, конечно, и фантазии возникали, известно какие... Но и тут для всего будто бы необходим был простор...

Подольские или лопасненские землеустроители отвели поселку Ковригиных место возле упомянутых уже пашен, сползавшее от них густым березняком с сосенками и дубками к угрюмому оврагу. Здесь вполне могли резвиться кикиморы, а лешему ничего не стоило с играми и со страшными голосами уводить Мизгиря, одуревшего от любви, в сущности, к сосульке, в погибельные дебри. И овраг, пусть и при светлых дубах на южном берегу, кривясь боками, полз от деревни Леонихи к Троицкому мрачный и неприветливо-дурной. Возможно, когда-то здесь текла речка притоком к обмелевшей нынче Рожайке. В Троицком триста лет назад на всхолмленности над оврагом была поставлена каменная церковь

(Ковригин зарисовывал ее наличники с элементами нарышкинского барокко), заменившая церковь деревянную. По предположениям Ковригина, Троицкому было не менее семи веков, и изначально церковь села воздвигали именно над рекой. Потерявший воду и, главное, живое течение ее, овраг и приобрел дурной нрав.

Ко всему прочему родители Ковригина по жребию получили затененный участок с невырубленными березами, а с запада к общему забору подступала еще и теснота сосновых посадок, в которых в шесть вечера утопало солнце. Поначалу Ковригин участок невзлюбил. Замкнутое пространство, сырое весной и осенью, вершинами берез, а потом — и яблонь, слив, вишен и не способных угостить своими плодами груш отделявшее себя от неба, угнетало Ковригина. Но потом он привык к участку стариков. К тому же здесь он работал. Отдохнуть можно было и на море. Милы ему стали и леса вокруг — до поры до времени грибные, «лопасненский ареал белых». Потом Ковригин по иному взглянул и на унылые для него поначалу плоскости ближайших полей. Потихоньку открылись для него увалы пашен, уходящие далеко к северу, к темно-плотным всхолмьям, возможно, хвойных лесов, извилины ивняка, вцепившегося во влажные берега Рожайки, петлявшей мимо села Мещерского в сторону старшей сестрицы Пахры. Даже холодно-серебристые башни электропередач здешним видам не мешали. Хотя, пожалуй, и мешали. А с асфальта шоссе Ковригин без раздражения рассматривал цветные и неближние строения села Мещерского, куда, как писали, заезжал переписчиком населения Лев Николаевич Толстой. И движение автомобилей самых разнообразных форм и окрасок в солнечные дни занимало созерцателя Ковригина, из неспешных букашек на повороте в Троицкое